Открывать глаза не хотелось, подсознанием я понимал, что там, в жесткой реальности меня не ждет ничего хорошего. Борьба бессмысленна, зачем “мертвецу” рвать жилы, стирать ступни в кровь ради нескольких мгновений в бегстве от заблудших душ этого леса. Кто бы мог подумать, что на этой “стороне”, единственное, что ждет человека – это не менее печальный конец. Сон мой был беспокойный, разум метался в попытке смириться с происходящим, находя поистине странные умозаключения. Жизнь…смерть…и посмертие, но что же идет дальше? Теперь мне казалось, что я попал в круговорот энергии, вечный цикл перехода из одного состояние в другое. И все, что с нами происходит – это лишь отчистка от лишнего, первичная обработка перед принятием совершенно другой формы бытия. С людской точки зрения действие жестокое и абсолютно бесчеловечное, но со стороны законов вселенной необходимый и совершенно логичный процесс.

Но значит ли это, что я согласен с этим. Готов ли я просто опустить руки и сдаться на милость судьбе. Во мне боролись две главные черты человеческой сущности. Одна эта страх – страх перед неминуемой и всепоглощающей неизвестностью. Вторая же – это гордость, неописуемое желание бороться, заключенное в бунтарском духе. Наш вид, наделенный разумом, испокон веков шел наперекор природе, меняя её сущность и подчиняя её законы себе на пользу. Являемся ли мы некой ошибкой, аномалией в бесконечной вселенной. Бесконтрольным энергетическим вирусом, вышедшим из-под влияния мироздания, чей “иммунитет” пытается включить нас в свою структуру. Чем больше я думал об этом, тем сильнее меня поглощало безумие от чего-то несоизмеримого - страха чего-то меньшего перед чем-то большим

- Артем, просыпайся! – раздался громкий голос.

- Ммм.

- Просыпайся, в школу опоздаешь.

- Какая к черту школа… - С неохотой я все же открыл глаза и посмотрел с недовольством прямо на “шутника”. Стоит сказать, что это было больше напускным, ведь давно уже не спал и просто лежал, погрузившись в свои мысли

- Вечереет – как само собой разумеющееся, произнес он

Отвёв от него глаза, я стал спешно осматриваться. Солнце уже почти не освещало нашу полянку. Похоже, всё это время старик готовился к худшему. Вокруг нас россыпью были поставлены несколько костров, дым от которых, наверное, был, видим за многие мили. Самым примечательным было то, что та тварь, стоящая на вершине оврага куда-то пропала.

Не хорошее чувство пробрало меня до костей: ,,Они начали охоту, пришло их время. Ну, попробуйте, так просто не дамся” – бравировал я больше для себя, если честно сам не веря, что получится спастись.

- Извините… - попытался начать я диалог.

- ,,Прощаю, – тут же перебил меня старик, оглянувшись через плечо прямо на меня, – давай без всего этого, Артем. Оставь все эти официозы для живых жополизов. Мы за свой век и так успели на пустословить, больше ни к чему. Ты ведь уже догадался, да? По глазам вижу, что догадался, - почесав свой затылок и без усилий выдрав клок волос с плотью, с усталостью спросил он. – Ладно я, можно сказать свое отжил, но ты… Совсем молодой ведь. По правде выглядишь как утопленник… Кхм – кашлянув и резко остановившись, со стыдом посмотрел он сквозь меня. - Забудь. Извини старого, чешу тут языком.

На некоторое время над нами нависло неловкое молчание. Мы просто сидели и смотрели на причудливые всполохи пламени от костра. Тонкие языки огня один за другим лизали обугленные сучья, вызывая то одиночные, то продолжительные постреливания.

Вспомнив как мой ,,компаньон” не известно откуда достал сигареты, я решил поискать не залежало ли чего у меня в карманах. Рука тут же потянулась к одному из них и нащупала твердый холодный предмет. Выудив его из штанов, передо мной предстал небольшой складной нож. Ничего не обычного: металлическая, покрашенная в красный цвет чуть закругленная рукоятка с давлениями под пальцы для лучшего хвата и достаточно острый прямой клинок.

- Не плохая игрушка, Артем, - Увидев приятную находку, старик улыбнулся, крутя кончик своих усов. – А ну-ка дай, идея есть. – Взяв нож, Кузьмич начал поспешно высказывать свои мысли. - Две палки заточим, будет хоть чем отбиваться, еще из двух сделаем факелы, долго тут оставаться нельзя, Артем. Надолго древесины не хватит. Надо выбираться отсюда. Я чувствую, понимаешь, пацан. Чувствую. – С силой сжал он мое плечо, будто ища одобрения в его словах. - Есть здесь выход, должен быть. Он где-то там, нужно лишь найти его. Будем сидеть на жопе ровно и можно считать, что сами преподнесли себя им на блюдечке. Это пока они нас не трогают, играются, чего-то там выжидают. Черт его знает, что у них в голове, но хоть какие-то мозги у них явно есть. Обычные звери так себя не ведут, а эти… Смотрят, изучают и как только им надоест, тогда уж… Они возьмутся за нас в серьез, – все продолжал он, изредка срываясь на шёпот. – Ну, так, что, Артем, пойдешь? Прикроем друг другу спины. Знай, я тебя тут не брошу.

Каждое слово старика отдавалось во мне каким-то еле ощутимым теплом в сердце. Во многом я был согласен с ним и от того становилось радостней, что именно с этим человеком свела нас судьба. Бесхитростный и прямой как рельса, он мог бы вызвать у любого доверия, с кем бы он ни говорил.

- Как мушкетёры? – сказал я для самого себя фразу, значение которой сам не совсем понимал, но от чего-то казалось, что именно она в данный момент подходит лучше всего.

- Как мушкетёры, – тихо с улыбкой произнес Кузьмич, смотря мне в глаза – Пойдем?

- Пойдем

……

Ночь властно охватила черной вуалью этот мир. Тьма надвигалась постепенно, вальяжно, будто показывая, кто является истинным хозяином на этой бренной земле. Самым примечательным было то, что единственными источниками света являлись наши костры. Не было ни луны, ни звезд, лишь непроглядная всепожирающая тьма… И тишина – мертвая, почти до звона ушей зловещая тишина. Разум сам собой представлял, как неистово бьется мертвое сердце, как дыбом встают волоски на холодных руках. Но… Но ничего этого на самом деле не было. Только густая окутывающая саму душу тишина и сложная игра - ,, в кошки мышки” от воспаленного от страха сознания, которое всеми силами пыталось уйти в спасительный омут безумия.

Все это время мы молчали. Слова были излишни, каждый думал о своем и пытался поймать нужный настрой. Мы готовились к финальному сражению – к битве за что-то намного важнее, чем сама жизнь.

-треск-треск-треск

Вокруг раздался шум движения чего-то очень быстрого и тяжелого. Было видно, как яркие

огоньки их глаз бегали во тьме, то приближаясь к нам, то стремительно отдаляясь. Лишь граница ,,освещенности” грозно стояла на страже нашего покоя, отгоняя нападки этих тварей, но с каждой атакой огонь колебался, словно крепостные стены какого-нибудь замка при нападении врага.

- Вот и время пришло, – Спокойно, почти со смирением хмыкнул старик, зажигая сигарету и щурясь от удовольствия. – Тц, последняя осталась.

- Пошли, – опуская в костер две палки и протягивая одну из них старику, задумчиво произнес я, пытаясь увидеть в его силуэте хоть намек на нерешительность.

Ничего не сказав, он взял у меня факел и пошел к границе света и тьмы. Стоял он там недолго, сначала один шаг, потом другой, движения его были спокойными, почти тягучими, словно у охотника, притаившегося в засаде.

- Иди ко мне, Артем, и копья возьми, – обернувшись ко мне, крикнул Кузьмич. Там во тьме фигура старика, освещенная лишь не большим факелом, была больше похоже на маленького беззащитного светлячка, окруженного безграничной чернотой. Обманчивое чувство, почему-то в этот момент в этом невысоком, тщедушном теле ощущалась непоколебимая уверенность и мужество. Готовность встретить любого врага с открытой грудью и выжить любой ценой. – Давай, мальчик, пора идти.

Сделав глубокий вдох, я подхватил все нужное и побежал к Кузьмичу. Переход во тьму был подобен погружению в воду: резкий, стремительный, холодный и удушающе обволакивающий. Чернота ощущалось каждой клеточкой тела, она проникала в само нутро, вероятно, если бы не свет от факела, то она бы моментально поглотила меня.

- Ах, да, Артем, держи, - Кузьмич протянул мне мой нож. – Нож – это штука хорошая! Смотри, потерять нож – это значит потерять жизнь, не бойся его, он длиннее и острее любого когтя.

Чего его бояться, нож как нож

- Хм, пошли уже, умник, - взяв копье и взмахнув им пару, раз в пустоту, старик кивнул, признавая самодельное оружие приемлемым. – Так то, ты прав, Артемка, нож – это просто нож, но в неумелых руках, он порежет скорее своего хозяина. Ко всему нужно подходить с умом и холодной головой. Короче, если проще себя или меня не пырни.

- Да знаю я, не дурак – нахохлившись от очевидных и несвоевременных нравоучений и пробурчав, что-то несвязное, единственное, что мне оставалось так это немного ускориться, обгоняя старика.

- Да подожди ты, пойдем медленно, держи ушки на макушки и нос по ветру, Артем. И под ноги смотри – спасая меня от позорного падения, Кузьмич вовремя схватился за плечо и отдёрнул меня. – Тише, тише. Да ты только посмотри – кивнул тот удивленно в сторону земли

Опустив взгляд можно было заметить, как корни оплетали землю, словно жадная паутина, расставленная рачительным пауком, только и ожидавшим как бы попалась наивная жертва. Удивительная и завораживающая сеть переплетений, сообщающихся между собой деревьев. Возможно, благодаря этому эти странные растения и общались друг с другом – целый коллективный разум с неясными целями и мотивами.

Ведомый поистине детским любопытством и тягой к чему то неопознанному мне только и оставалась, как направиться прямиком к одному из этих чудовищных исполинов, с

единственной целью – разгадать очередную тайну этого места. Свет от факела яростно не жалея, с клубящейся тьмы раскрыл передо мной следующую картину: с витиеватыми узорами, покрытая трещинами кора, истощающая ручья черной как смоль жидкости; принюхавшись можно было уловить еле ощутимые гнилостные сладковатые миазмы - букет ароматов столь не приятных, что перво-наперво у меня перехватило дыхание. Переборов желание отшатнуться я потянулся к столь заинтересовавшему меня объекту, но тут старик грубо перехватил меня.

- Не советую трогать, Артем. – хмурясь произнес старик, от чего морщины на его лице стали глубже. - Хмм, это их кровь, Артемка. Кто его знает. Бережёного бог бережет.

С сожалением, согласившись с мнением Кузьмича, я неуверенно отвернулся от дерева и поплел вперед, сначала делая, маленькие и осторожные шажки, словно ребенок неуверенный в своих силах, после обвыкшись длинные и размашистые, перешагивая то тут, то там через самые большие корни. Кузьмич же все это время шел сзади, явно взяв на вооружение фразу - ,,постоянная бдительность”. Что же нельзя сказать, что в этом плане я далеко от него ушел; голова постоянно вертелась на все триста шестьдесят градусов, внимательно следя за любыми изменениями, которых к слову совершенно не было. Как будто нам уготовили самую страшную пытку в мире – пытку постоянным ожиданием - вершина психологического насилия в своей красе. Ведь, что кроме этого может с такой силой растягивать нервы в таком напряжении, что кажется вот, вот и тонкая струна, отделяющая уставший от страха разум от пучины безумия лопнет, оставляя после себя лишь пустую оболочку – слабую тень былого себя.

Понятие времени полностью утратило свою смехотворную ценность. Нельзя было точно сказать, сколько мы так уже брели, бесцельно с удивительным упорством больше подходящим каким-нибудь ослам, или же глупцам, отказывающимся признавать объективную реальность и цепляющихся за слабый огонек надежды – такой маленькой, но придающей столько силы идти вперед

Пожалуй, если бы не этот добрый и острый на язык старик, разбавляющий гнетущую атмосферу своим юмором и незримой поддержкой, то маленькая заблудшая душа с именем – Артем давно бы сдалась, как сделали это многие умершие до него, пополнив нездоровую коллекцию владык этого леса. Общая беда сближает и скрепляет покруче любых уз. Мы нуждались друг в друге, учились и искали выход из этого, казалось бы, неприступного места. Я строил теории, мне казалось, что этот край смерти был подобен рваному полотну, ведь как то же души попадали сюда. Значит должны быть какие-то червоточины, трещины или же отверстия в пространстве. Я смело делился всеми своими мыслями, а Кузьмич внимательно слушал, изредка вставляя свои идеи, либо же спорил, предлагая диаметрально противоположные варианты.

Время скользило неумолимо и незаметно, как песок сквозь пальцы, оставляя после себя лишь шлейф странной загадки, из которой понятно было лишь одно – рассвета больше не предвидеться. Сколько бы мы не шли, была лишь одна верная константа – вечная ночь и дикая охота.

Любое изменение в окружающем нас ландшафте встречалось мной с несоизмеримым энтузиазмом. Несколько раз мы натыкались на такие же небольшие полянки, одна их которых долгое время назад приютила нас. Как давно это было? Пожалуй, никто из нас не мог сказать точно. Дни, недели или может быть годы? Наши мертвые тела не чувствовали ни голода, ни холода и тем более усталости. Вечно застрявшие в одном и том же состоянии – неизменном в своем убогости облике. Единственное, что менялось так это наши личности. Миг за мигом чернота подтачивала нас, соскабливала крупицу за крупицей, слой за слоем, оголяя от лишнего, оставляя наши ,,я” беззащитными. Целый мир нависал своей необъятной массой,

требуя откинуть свою преступную человечность, окончательно избавиться от прошлых себя, становясь чем-то совершенно иным.

Больше всего изменился Кузьмич. Я с болью наблюдал, какие метаморфозы претерпевает мой единственный друг. Да, друг, возможно это слово наименее передает ту привязанность, которую разве, что можно сравнивать с родственными узами, я стал испытывать к этому старику, и от того горестней было наблюдать, как мой товарищ увядал прямо на глазах. Былая яркость давно улетучилась из его глаз, оставляя лишь растерянность, вялость и непонимание. Когда-то дышащая силой и жизнью фигура, стала лишь бледной тенью былого себя. Нельзя сказать, что изменения были мгновенные. Вовсе нет, всему требуется время, которого у нас здесь было предостаточно. Капля за каплей, сосуд перемен заполнялся, незаметно для нас перевешивая чашу весов в пользу этих существ и этого проклятого леса. Былые веселые разговоры, перерастающие в безобидные перепалки, могли перейти в ссору, которые к слову Кузьмич как человек более опытный и отходчивый незамедлительно прекращал, успокаивая мою излишнюю горячность. Со временем все чаще между нами возникало полное и продолжительное молчание, которое было для нас действенней любого из ядов. В такие моменты я пытался разбавить обстановку, как-нибудь растормошить Кузьмича по детски нелепой шуткой или полностью придуманной историей. Поначалу это срабатывало, но чем дольше мы здесь находились, тем бесполезнее становились мои попытки.

В какой-то момент я перестал слышать его шаги и обернулся. Старик просто встал, выпустив из рук факел с копьём.

- Ей, старик! Ты чего удумал? – в неверии я выпучил глаза на ели освещенный силуэт старика. – Ёб твою мать, я к кому обращаюсь. Кузьмич! Старик! Дедушка, прошу, подними факел! – уже кричал я на него.

- Шёпот… зовет меня.

-треск-треск-треск

Раздался узнаваемый хруст веток. Вблизи показались уже забытые потусторонние огни глаз этих тварей. Бесчисленная голодная орда окружила нас и стремительно надвигалась прямо на старика. С усилием поборов страх, сковывающий моё тело, я побежал на выручку к своему единственному другу. Запинаясь, я преодолевал расстояние между нами, боясь не успеть. Огни были всё ближе и ближе к нему. Секунды длились целую вечность, и нельзя было терять ни одну из них, задержав от напряжения дыхание, я вскочил на выступающий большой корень и подпрыгнул к Кузьмичу, бросая в близь него факел, видя, как одна из тварей почти добралась до него. Свет прочертил прямую линию и упал у ног старика, освещая, то чудовище, что чуть не лишила меня друга. Отвратительное существо отшатнулось с нечеловеческим душераздирающим воплем. Доли секунды проведенной в полете мне хватило, чтобы навечно запечатлеть это мерзкое создание в своей памяти. Высокое, выше любого человека тонкая тварь с ветвистыми рогами, чье мерзкое тело было усеяно десятками лиц с разинутыми в безмолвном крике беззубыми ртами: мужские и женские, молодые и старые, и даже дети – лесной монстр не гнушался никем, принимая в себя любого, кто попадется ему на пути.

Наконец-то приземлившись, я тут же подхватил факел старика и начал с рычанием, подобно какого-нибудь волку, размахивать им в стороны. Но твари почувствовавшие слабину не собирались просто так сдаваться. Добыча уже была готова, только протяни руки и возьми её. Они забрасывали нас ветками и тянулись с животной и самоубийственной свирепостью. Я еле успевал отгонять их факелом и колоть копьем. Каждый орган жил своей жизнью, позабыв о такой вещи, как команды от мозга. Первобытные инстинкты полностью взяли под свой

контроль мое тело. Ноги сами решали куда ступать, чтобы не споткнуться в самый не удачный момент. Каждый мускул моего тела двигался в такт, пожалуй, понятный одному лишь богу. Все слилось в нескончаемую оборону и натиск, сопровождаемый мученическими воплями, больше похожие на хор из множества криков.

- Дедушка, да очнись ты уже! Аааааааа – одна из тварей полоснула когтями мне по руке, из-за чего копье, окроплённое моей кровью, упало на землю.

В последней надежде разбудить его я вынул нож из кармана и силой вогнал его в руку старика.

- Да, проснись ты уже, наконец!

В глазах Кузьмича наконец-то появился намек на осознанность. Тут же просчитав всю ситуацию, он поднял, валяющийся на земле факел с копьем, и кинулся мне на помощь.

- Старик, подожги копье. Быстрее

Удвоив усилия, мы начали отбиваться от чудовищ, факела носились с бешеной скоростью, изредка ударяя по тварям. На всю округу раздавались их истошные вопли вперемешку с визгом. Свет причинял им поистине невообразимые страдания, их кожа при малейшем попадании начинала извергать белесый дым что, однако только усиливало их гнев и напор. Приходилось все время изворачиваться от их бритвенно-острых когтей. Каждая их попытка могла стать для меня последней; умные сволочи наносили удары из самых неожиданных мест, стараясь держаться в слепой зоне. Трудно сказать сколько раз я был на волосок от вспоротого горла или оторванной конечности.

- Давай, держись, малыш! Спина к спине. Как мушкетеры! Один за всех и все за одного, получайте суки.

Неожиданно мне в голову прилетела толстая ветка, опрокидывая меня навзничь и заставляя выронить из рук мое единственное оружие. Дезориентированному в пространстве мне пришлось приложить нечеловеческие усилия, чтобы попытаться отползти к источнику света, но тотчас за мою ногу ухватилась длинная тонкая лапа и резко потащила меня в темноту. Ветки и корни деревьев впивались мне в спину, раздирая кожу и оставляя глубокие царапины и синяки, руки предательски потеряли всю свою силу и не могли ухватиться хоть за что-то. В отчаянной попытке спастись я выхватил нож и не глядя ударил по чудовищной конечности, немного ослабляя его хватку. Это дало мне драгоценное время, чтобы Кузьмич ринулся к твари и всадил в неё горящим копьем прямо в брюхо.

Потусторонняя тварь завопила с невероятной силой, пламя тут же охватило её, выжигая нечисть внутри и снаружи. Десятки лиц на её теле корчились в агонии, издавая вполне себе человеческие крики. Я зажал уши лишь бы не слышать их, но звон в перепонках лишь продолжал нарастать, пока вдруг всё это не прекратилось.

Тварь сгорела дотла, рассыпаясь прямо на глазах в пепел. Всё прекратилось. Внезапно, огни их глаз быстро отдалялись в темноту, пока снова не пропали с поля зрения. Тяжело дыша, я подполз к факелу и лег на спину, заливаясь в отчаянном хохоте.

- Ахахахахахха, получили! Ахахах, мы справились, выкусите, ублюдки, нам все по плечу. – закрыв влажные от сдерживаемых слез глаза ладонью, я громко смеялся и кричал… Кричал так сильно, будто заново родился и открыл себя этому миру, эмоции вскружили мне голову и требовали, чтобы я выплеснул их любым образом. – Аааааааааааа, если хотите еще подходите, добавки для всех хватит…

Старик, видя моё состояние, внезапно приподнял меня и прижал к своей груди, его грубая, шершавая ладонь взлохматила мне волосы, и слезы, раньше сдерживаемые лишь силой воли, хлынули, оставляя соленые дорожки на моих щеках: ,,Тише, Артем. Всё закончилось. Прости меня, прости, прости, - горестным и дрожащим голосом говорил он. – Если бы не я… Ничего бы не произошло. Ты сильнее меня, намного сильнее. Я так устал, Артем, так устал. Там где я сдался ты смог сохранить мужество и смелость…”

- Ничего, просто минута слабости, ахаха. – освободившись от его объятий, прервал я его, смотря себе под ноги. Почему то мне было стыдно показывать свои слезы. Не знаю, считал ли я подобное проявление своих эмоций чем-то постыдным, или же просто не хотел попасть в неловкое положение. Пожалуй, одно можно было сказать с полной уверенностью, я не хотел, чтобы старик видел меня таким, только не он. - Всё! Хватит сопли на кулак наматывать. Помнишь, как ты говорил? Главное сохранять холодный рассудок. Или память совсем уже стала подводить? А Кузьмич. Давай соберись! Или прикажешь тащить тебя на своем горбу?

- Ахаха, язва малолетняя. Да ты прав, пацан, ты прав – тихо пробормотал он последнюю фразу, массируя свои глаза. – И в правду сдаю, чтобы меня и какой-то сопляк отчитывал!

- А разве может быть иначе – дерзко улыбнулся я ему, продолжаю фразу. – Мы молодое поколение в ответе за то дерьмо, что совершает старшее. Кто, если не мы? Тогда бы такая разруха началась, страшно представить.

- Ах, вот как мы заговорили. – мой пожилой друг попытался нахмурить брови, предавая себе строгий вид, чтобы тут же откровенно заржать – Ахахахах. Ну шельмец. Как рука, Артем? – закончив смеяться, он с беспокойством посмотрел на мою руку.

- Всего лишь царапина. – отмахнулся я от него, внимательно осматривая ранение. Моя левая рука и вправду представляла собой страшное зрелище: рана настолько глубокая, что можно было заметить кости, шла вдоль всего предплечья. Удивительно было то, что края плоти начали медленно, но верно срастаться и через какое-то время от былого пореза не осталось бы и следа.

- Я тебе щас дам, царапина – Кузьмич угрожающе помахал перед моим носом кулаком и принялся рвать край своей рубашки. – Должно хватить, руку вытяни. – приказ он мне и начал крепко наматывать лоскут ткани поверх моей раны закончив всё тугим бантом. Его оценивающий взгляд пробежался по своей работе, и, признав её приемлемой, старик довольно цокнул языком.

- Успокоился? Нормально все было. – помахав рукой в стороны, чувствуя как легче ей стало двигать, пробормотал я, продолжая настаивать на своем

- Ты поговори мне еще! – принимая правила моей игры, хохотнул Кузьмич. – А говорил, что не дурак. – сказал он указывая на сквозное отверстие в своей руке.

- Вспомнишь тоже. Экстренные ситуации, требуют экстренных мер… прости, так было нужно, – со стыдом отводил я от него глаза, поднимая с земли факелы. - На, держи и чтоб больше без глупостей!

- Обижаешь. – залихватски крутя кончик своих усов Кузьмич улыбнулся мне, по отечески смотря в мои глаза. – Не переживай больше без глупоАААААААААА

Стоило старику начать медленно тянуться ко мне, как из тьмы резко выскочила тонкая длинная рука. Все произошло мгновенно, острые как лезвия когти, проникая глубоко в плоть

моего друга, крепко сцепились на его плече и тут же потащили его в черноту. Удивленно раскрыв глаза, не раздумывая больше ни секунды, я побежал прямиком к Кузьмичу. Тварь, казалось бы, не ощущала никакого веса человеческого тела, с бешеной скоростью таща безвольной куклой вопящего старика. Ориентируясь только на крики я, казалось-бы, смог догнать их, но на подступе к нему, там, в свете факела единственное, что можно было разглядеть, так это как трепыхающееся тело с дикими воплями взмыло вверх, метаясь с ветки на ветку. Ранее потерявший жажду сражаться за свою душу старик с остервенением пытался отцепить стальную хватку монстра, чтобы хотя бы чуть-чуть ослабить тот медвежий капкан, что сомкнулся на его плече. Но чудовище и не думало отпускать свою жертву, лишь утробно рыча, с явным удовольствием сталкивая его, словно какую-то свиную тушу, о стволы этих жутких деревьев, раз за разом выбивая воздух из легких

- Аааааааааакха, паскуда, отпусти меня. Артеееееем. – тварь демонстративно скакала между деревьями, будто предрекая мою судьбу, говоря мне: ,,тоже самое ждет и тебя.”

От показанной жестокости мои внутренности скрутило в тугой узел, дыхание то и дело прерывалось, стараясь быть как можно менее шумным. Задрожав всем телом и найдя последние крупицы мужества, я замахнулся и кинул один из факелов в сторону скрытой во тьме твари. Это и стало отправной точкой к действию; помотав в последний раз телом охрипшего от криков старика, чудовище ринулось подальше от меня вглубь леса, перескакивая с одного дерева на другое.

Застыв хладной статуей, я продолжал стоять, мои руки дрожали, не веря в произошедшее, а за стекленевшие глаза смотрели вперед, пытаясь высмотреть в густой темноте фигуру моего друга. Потустороннее животное двигалось так быстро, что вскоре крики Кузьмича заглохли в пространстве, не оставляя даже воющего эха. Лишь мертвая, безвкусная тишина. Снова это проклятая тишина, впивающаяся острыми иглами в мой разум. Мысли одна за другой бились в полусгнившие врата моего сознания, тараня и продавливая своё место в моей черепной коробке – нестерпимая горестная боль, заполонила меня, казалось бы от неё не было спасения, как бы я не пытался отречься, не думать – никак не получалось сохранить холодный рассудок. На языке, заевшей пластинкой, вертелось лишь одно слово: ,,Почему? Почему? Почему? Почему? Почему? Почему? Почему? Почему? Почему? Почему? Почему? Почему? Почему? “

- Дедушка… Нет… Как такое могло произойти? – тихо выдавливал я каждое слово из себя. – Почему? Почему не заберете и меня? Аааааа, сволочи, чего вы ждете? Давайте, чего же вы ждете. Закончим же, вы и я. Что духу не хватает. Нападайте же! Чего вы ждете? Аааааа.

Гнев переполнял меня, вытесняя холодный липкий страх, крик вылетал из моего горла, изредка срываясь на почти звериный рык, тело требовало действий, не хотело просто так сдаваться, рука вооруженная факелом металась, рассеивая окружающую черноту. Видя как от слишком резких действий пламя начало ослабевать, я ловко подпрыгнул к ближайшему дереву, и ударил своим самым верным оружием по стволу.

- Давай, жри. Пусть все горит!

Только и ждавший этого огонь с голодной и неумолимой яростью накинулся на дерево, за считанные секунды, охватывая всю его толщу – он не ведал ни жалости, ни компромиссов, лишь одна цель: поглотить, уничтожить, стереть любое упоминание из мира о своей нечестивой жертве. Ветер разнес по округе жалостливый вой; пылающее дерево явило миру свой истинный лик. Раньше неподвижное, оно стало раскидывать свои исполинские ветви в сторону, словно в припадке пытаясь скинуть с себя голодного зверя. Другие же представители живой фауны этого леса, в ужасе отринули, предательски избегая своего собрата. Все в этот

миг пришло в движение, земля задрожала от выдергиваемых корней, ветки затрепетали, осыпая свои листья.

Перескакивая с кочки на кочку, избегая падения, я лишь смеялся, чисто и невинно, как может смеяться только ребенок, радостный новому подарку. В этот момент для меня не было ничего прекрасней, Всё казалось таким мелким и незначительным перед всепожирающей стихией.

Яркий и теплый свет развеял тьму, отгоняя ее на многие мили, и наконец-таки в этом крае смерти настал день. Впервые, за долгое время я почувствовал тепло и душевный покой. Охваченный желанием подарить этому миру свет, я поднял первую попавшуюся ветку и аккуратно поднес ее к пламени. Бережно, как на собственное дитя, я смотрел на огонь, в его яростных языках я чувствовал нежность и принятие. Он понимал меня как никто другой, наши желания были одним целым. Словно Прометей я хотел изменить все, разорвать этот порочный круг, вычищая все грехи человечества с этой земли. И что же, если ценой станет моя собственная бессмертная душа, то я готов самолично кинуть её в горнило дьявольского пламени.

Ну что, дружок, ты же мне поможешь? Да, я знаю, ты меня не бросишь. У нас с тобой много работы. Та тварь утащила дедушку в ту сторону, – указывая пальцем вперед, с тихой яростью говорил я. - Да пропади оно всё пропадом.

……

Подобно смиренному паломнику, разносящий свет своей веры, я пробирался сквозь лес, помечая пламенем одно дерево за другим. В страдальческом и жалобном вое, каждого из них я различал еле уловимый шёпот. Они умоляли меня, просили остановиться, сдаться, затушить так ненавистный им свет и принять свою судьбу. Нескончаемые уговоры сыпались как из рога изобилия и не было им ни конца ни края: ,,Затуш-ш-ш-иии… с-с-сделай нас-с-с едиными… с-с-сделай нас-с-с едиными… вс-с-сё закончиться, слейся с-с-с нами…с-с-сделай нааассс едиными.”

Каждое их слово резало мое сознание, вызывая раздражение и гнев, что подпитывало меня, заставляло покрепче схватиться за факел и с двойным усердием бороться за свое существование. Иногда казалось, что сам Кузьмич стоял у меня за спиной, тихо нашептывая загробным голосом одни и те же слова, говоря как ему хорошо и свободно с ними. Как он хочет, чтобы и я стал таким же свободным и воспарил вместе с ними в истинном и едином блаженстве, стоит только затушить огонь и страх с болью уйдут.

Не в силах больше терпеть подобных издевательств, я пытался не думать, зарыть свои чувства глубоко внутри себя и продолжить бежать еще быстрее, не обращая на них никакого внимания, лишь оставляя после себя россыпь из мерцающих деревьев. Возможно сейчас с высоты птичьего полета, лес был похож на развесистую гирлянду или же звездное поле, вспыхивая то тут, то там различными цветами. К моему удивлению не все они так хорошо поддавались моему пламени. Каким-то деревьям для этого нужна была определенная помощь. Старик был прав называя ту черную смолянистую жидкость - ,,их кровью.” Именно благодаря ей древесина так хорошо вспыхивала, лишь от одного касания огня. И я был охотно готов исправить это недоразумение. Позже опытном путем мной было выяснено, что молодые деревья, которые появились тут относительно не давно, еще не потрескавшиеся от переполняющей их скверны, требовали того, чтобы я пустил им ,,кровь.” С чем неплохо справлялся мой раскладной нож.

Я бежал и бежал, не видя ничего перед глазами так долго, что потерял всякую надежду на спасение старика. Горький привкус своей беспомощности дурманил голову, чему способствовал давно надоевший однообразный шёпот. Что эта тварь сделала с моим другом?

Сожрала? Сделала подобной себе? Или же и вовсе подарила, ту самую ,,свободу и бесконечное блаженство,” о котором не устают твердить эти голоса. Прав ли я, что продолжаю цепляться за свое ,,Я.” Стоит ли оно того?

Чем больше у меня возникало вопросов, тем быстрее подтачивался стержень моей воли. Возможно, так бы всё и закончилось – бесцельно и бессмысленно, если бы я не увидел первые изменения в этом лесе.

Там вдали можно было заметить, как постепенно редел лес, переходя в поляну. Первые отличия были заметны сразу. По сравнению с прошлыми небольшими полянками, эту можно было сравнить с целым полем, настолько оно было обширно. Замедлив шаг, я с осторожностью приблизился к границе леса. Тьма столь знакомая обволакивала все пространство, не давая и возможности взглянуть на свои тайны. Есть ли это тот самый выход - дыра в пространстве, которую мы со стариком так упорно искали? Не теряя больше ни секунды, я начал поджигать окрестные деревья; свет настолько теплый и убаюкивающе-успокаивающий разнесся по всему пространству, раскрывая мне всю находящеюся передо мной картину: в самом центре в хаотичном порядке стояли небольшие деревья, не превышающие, пожалуй, и двух метров. Издали было трудно заметить детали, но нечто странно знакомое улавливалось в этих небольших развесистых силуэтах.

В напряжении выпучив глаза, дрожащими зрачками я смотрел на абсолютно новое для себя явление – оскверненные саженцы извивались в своей склизкой, отвратительной манере, напоминающий больше такт ритмичного сердцебиения. Прикусив щеку, чтобы избавиться от навязчивого наваждения, я сглотнул прогорклую и солоноватую от крови слюну и направился к центру. Что-то подсказывало мне, что разгадка одной из тайн леса скоро откроется для меня в своем ужасающем великолепии, от чего напряжение во мне с каждым шагом возрастало.

- Уух, хотел узнать, что это за деревья такие, Артем. Так вот получай, и расписаться не забудь. Тьфу, - пытался совладать я с дыханием, выдавливая каждое слово от недостатка воздуха. – Тише, тише. Артем. Помни холодный рассудок, сохраняй спокойствие. Они никуда не убегут. Не убегут ведь?

В десяти метрах от ближайшего дерева я краем глаза заметил небольшой заляпанный черной жидкостью предмет. Дрожащей рукой, подняв его, я узнал в нем фуражку Кузьмича.

- Нет, – зажмурил я глаза, с силой вертя головой в отчаянной попытке скинуть иллюзию. – Нет.

Собравшись с духом, с силой прижав мокрую фуражку к груди, как будто не желая выпускать из рук этот последний шанс спасти своего друга, я, хлюпая ногами, помчался вперед. Влажная земля, усеянная ручейками, тянущимися от деревьев, была скользкой словно лёд, из-за чего приходилось то и дело замедляться, раскидывая руки в отчаянной попытке сохранить равновесии.

Наконец достигнув цели, я увидел умопомрачительное зрелище - закованной в дерево девушки. Ветви произрастали прямо из неё, словно жадные змеи, оплетая каждую частичку её тела, оставляя открытой лишь накрепко зафиксированную руку, вытянутую в мою сторону в просительном жесте, и лицо… Спокойное умиротворенное лицо человека спящего самым сладким из возможных снов. Её голову венчала ветвистая корона, сочащаяся той самой черной жидкостью, стекающей по когда-то пышным и прекрасным огненно-рыжим волосам.

В каждом саженце был человек, такая же не упокоенная душа, как и я сам. Мужчины, женщины, дети – люди всех возрастов. Всех их объединяло лишь одно – это спокойное спящие

лицо, отличия лишь в степени ,,объединения” с лесом. У одних могло свисать целое туловище, а у других же оставалось свободным лишь лицо.

Неспешно проходя сквозь ужасные постаменты, бывшие когда-то живыми людьми, а ныне лишь пустыми оболочками без целей, без смысла, я думал… думал обо всём. У них могли быть любящие семьи, друзья, питомцы, радостно виляющие хвостами при виде своих хозяев. А что же у них осталось сейчас – лишь пустота и тьма? Вечность в крае смерти в ожидании бесконечного потока таких же несчастных, как и они сами? В чем смысл всего этого? В чем кроется безумный план мироздания, и какое место в нём занимаем мы - люди?

Не найдя и намека на свои вопросы, больше не имея терпения ждать я попытался позвать своего друга.

- Кузьмич! Ты здесь? Отзовись. – кричал я в пространство, вертя головой в разные стороны, пытаясь высмотреть в окружающих саженцах старика. – Бессмысленно. Насколько же все бессмысленно. Нет-нет-нет, нельзя сдаваться. Зубами землю рыть буду, но найду. А дальше… а дальше будь что буд…

Неожиданно со стороны одного из деревьев раздалось жалобное кряхтение вперемешку со стоном.

- Нееет! Не подходите… нет… нет. Не надо. Прошу… Ууух, прошу, убейте меня, убейте. Нет, не надо, не надо. – раздался знакомый ели слышимый голос.

Тут же обернувшись на звук, я побежал, скользя ногами по склизкой земле. Там на коленях сидел Кузьмич, извивающие ветви скользили по его ,,распятому” телу. С запрокинутой вниз головой с его губ слетали одни и те же фразы: просьбы отпустить его и прекратить все эти мучения.

- Дедушка! Это же я, Артем! Помнишь – приподнял я его лицо, в попытке разбудить ото сна. Но увидел лишь безэмоциональное выражение с стеклянными белесыми склерами, смотрящими в глубокую пустоту этого мира. – Дедушка! Очнись! Ты…ты же говорил, что больше без глупостей. Так очнись же! Дедушка! – все продолжал я трясти его.

- Нет… не надо… не надо.

- Дедушка! Это я Артем. Я нашел тебя. Помнишь? Артем. Да очнись ты уже наконец. – кричал я на него, пытаясь освободить от пут, но те извивались и скользили в моих руках.

- А-а-ар-тем.

- Да-да, это я, Артем, давай помоги мне. Никак не могу порвать.

- А-а-ар-тем. Помню, хороший парнишка, смышлёный. Да-далеко пойдет…

- Да чтоб тебя, очнись, мать твою. Дедушка! – оставив бесполезное дело, я взял его за грудки и начал трясти с удвоенной силой. – Просыпайся! – слезы, которые я и не пытался сдерживать, лились по моим щекам. – Ах, да чтоб вас всех. Прошу…прошу, дедушка. Очнись!

- А-а-ар-тем, я… я ничего не вижу, Артем.

- Ничего, ничего. Главное сейчас вытащим тебя, а там разберемся. Один за всех помнишь?

- Ар-тем, пока я соображаю… там в кармане… в правом кармане… достань.

Быстро выполнив просьбу друга, я достал помятую пачку сигарет с коробком спичек. Достав последнею, дрожащими руками я зажег её и поднес к губам Кузьмича.

- Сразу мысли прочищаются. Вееещь! - держа в зубах сигарету, бормотал старик. – хочешь попробовать? Так сказать на посошок, уважить старика.

- Ахаха, ну ты даешь, в такой момент, а думаешь только об одном. – растирая слезы по лицу ладонью, смеясь сказал я.

- Поговори мне еще…

- Кузьмич

- Да помолчи и послушай! Отбегал я свое, всё - финита ля комедия. Был да сплыл. Дальше, Артем, тебе придется без меня…

- Дедушка

- Артем! – старик прикрикнул на меня, выпуская изо рта сигарету. – Да послушай ты. Я и пальцем пошевелить не могу, ничего не чувствую. Зачем тебе слепой, беспомощный старик. Уууух, прости меня, прости старого. Я должен был тебя защищать. Аах, к черту! Ты справишься, слышишь меня, Артем. Ты справишься.

- Я не смогу, дедушка, ты мне нужен.

- Артем! Брось эту чушь. Ты парень явно не из робкого десятка, яйца с кулак. Ты спокойно обходился и без меня. Котелок у тебя хорошо варит, раз смог сюда добраться. Ааах, у меня мало времени, Артем. Помнишь, как я говорил. Выход есть! Найди его, ты понял меня?

- Да-да понял.

- Громче я не услышал, ты меня понял?

- Да, понял! – изо всех сил крикнул я.

- Вот так то лучше. – ослабшим голосом произнес старик. – Ар-тем, пока я еще мыслю, пока я еще остаюсь собой… Закончи это.

- Что? - в неверии я уставился на Кузьмича.

- Убей меня, Артем, я не хочу закончить так. Прошу убей меня.

- Нет, нет, дедушка, я не смогу

- Хватит, Артем! Посмотри на меня. Я прошу тебя, сделай это. Не оставляй меня просто так, прошу. – с каждым его словом ветви извивались и скользили всё сильней, будто желая заткнуть старика, усыпить его навсегда. Кузьмич смотрел на меня своими мутными, белесыми глазами, или же делал вид, что смотрел. В его взоре я не видел больше жизни, лишь смертельная многотонная усталость и сонливость. – Это мое последние желания, Артем. Хочешь, чтобы наш последний разговор оказался ссорой? Давай же, мальчик мой, ты сможешь…ты сможешь. Ты ведь…сделаешь это?

- Хорошо…я сделаю… – проглотив вязкую слюну, резко выпалил я. – сделаю.

- Х-хорошо, перед… перед тем как всё закончиться, Артемка. Ну как… как у тебя дела? Ахаха. – тужась и хрипя, выдавливал он каждое слово из себя, улыбаясь мне, из-за чего по краям его рта побежали струйки черной жидкости.

- Погано, бывало и лучше, старик. Бывало и лучше.

- Ахаха, да, пацан, это ты тонко подметил. Бывало и лучше. Давай, ты знаешь, как это сделать.

- Знаю. – покрепче я сжал свой факел, из-за чего костяшки моих пальцев побелели.

- Спас-сибо, А-артем. Не держи зла на старик… - внезапно Кузьмич зашелся в надрывном кашле, выплевывая гроздья вязкой и тягучей черной жидкости. – Сейчас бы…закурить… - опустив голову и тяжело дыша, произнес мой друг.

- Видимо горбатого даже могила не исправит, а старик?

- Аха, видимо. Давай, мальчик. Я готов. А знаешь, Артемка. Сейчас я вижу свет… такой теплый и… успокаивающий свет…

- Прощай. – глубоко вздохнув я встряхнул фуражку Кузьмича и одел её на его голову, после чего поднес факел к старику. Все произошло мгновенно. Пламя по своему обыкновению за считанные секунды охватило саженец. Из-за чего дерево пришло в неистовую ярость. В диком танце ветки извивались, то раздвигаясь вширь, то скручиваясь между собой, выписывая страшные агонирующие фигуры. От старика не было слышно ни звука, из-за чего я думал, или точнее сказать хотел думать, что сейчас Кузьмич не испытывает никакой боли. Я надеялся, что подобным образом я спасаю старика от более незавидной участи.

- Нельзя оставлять остальных. – размеренно, будто судья выписывающий приговор о помиловании, я подходил и поджигал одно дерево за другим. Здесь их было не больше двадцати, так что это не заняло много времени.

После же… после я просто вернулся к Кузьмичу. Сев на землю, я воткнул в неё факел и стал ждать. Точно нельзя было сказать, чего именно я ждал, какого-либо озарения готового упасть мне в руки на горизонте не предвиделось. Пытался ли я справиться с одолевающей меня эмоциональной бурей? Так её не было – удивительное спокойствие нависало над моей душой. После того, как я собственными руками считай, убил своего единственного друга, я не испытывал ни беспокойства, ни гнева на самого себя – ничего.

- Будь, что будет. – со смирением произнес я. Значило ли это, что я сдался? Нет, точно уж нет. Мне надоело бесцельно бегать, по этому проклятому лесу, я хотел закончить всё здесь и сейчас. Если уж нам всем уготован один и то же конец, так зачем прятаться по всяким норам в ожидании, когда за тобой придут или же разум окончательно не съедет с катушек. Лучше уж я уйду по человечески – с гордо поднятой головой встречу своих врагов с открытой грудью. Меня не нужно загонять в угол, как какую-то крысу, я сам способен сделать свой выбор. Я сам приму за себя решения и отвечу за себя сторицей

……

Время шло неумолимо – медленно и томительно, смакуя каждый миг моего ожидания. Деревья прогорали одно за другим, рассыпаясь в липкий, летучий пепел. Раз за разом на периферии моего зрения гасли огни, и тьма постепенно отвоёвывало свое главенство в этом мире. Сидя на

пепелище, я смотрел немигающим взглядом, как догорало последнее дерево, как оно начинало издавать свой последний прощальный треск, похожий больше на жалобный скулеж пса, которого жестокий хозяин прогнал с порога своего дома. Пламя как будто понимало меня и не хотело оставлять одного.

Но вскоре и это закончилось. Последнее дерево осыпалось золой, и свет окончательно покинул эту землю. Чернота только этого и ждавшая со свойственной её жадностью накинулась на меня, закрывая мой взор в попытке удавить в зачатке любую человеческую надежду.

Вскоре в округе показались знакомые огни глаз этих тварей. Они носились в безумном богопротивном шабаше, перепрыгивая с места на место, то приближаясь, то отдаляясь.

- Чего вы ждете? Вот он я. – вопил я, надрывая горло. – Давай, давай, налетай.

Ответив на мой призыв, дюжина этих тварей ринулась ко мне. Расстояние между нами сокращалось с немыслимой скоростью, и вот когда единственным что разделяло нас, были каких-то пару жалких метров и, казалось бы, вот он конец – неотвратимый и бесславный. Появился он - ,,Свет.” Бесчисленное количество светлячков озарило округу, уничтожая либо же отпугивая этих чудовищ. С громкими воплями они возвращались обратно, откуда пришли – во тьму, затаившись, внимательно наблюдая за каждым моим действием. Я смотрел завороженным взглядом, не совсем осознавая происходящее: мириады огоньков кружились по округе, выписывая не мыслимые кульбиты. Их синий свет столь яркий, отдавал чем-то по истине космическим. Он был всем и одновременно ничем. Такой бесконечный и бескрайний, явно не предназначенный для человеческих глаз, не способных понять и доли того монументального величия, являвшегося лишь предзнаменованием чего-то большего. Протянув руку и поймав один из огоньков, я осознал. Это был пепел!

Внезапно огоньки пришли в движения, полчища светлячков устремились в одном известном им направлении, образуя… дорогу.

- Что? – ничего не понимая, сказал я в пустоту. – Вы указываете мне путь?

Ответом на мой вопрос было легкое касание по моей спине, подтолкнувшее меня в сторону указанной дороги. От неожиданности я развернулся, мотая глазами в попытке найти того, кто это сделал, но к своему разочарованию наткнулся лишь на пустоту.

- Дед? Это ты, Кузьмич? – с надеждой спросил я. – Ахаха, значит выход где-то там? – с грустной улыбкой сказал я. – Хорошо, я всё понял.

Что чувствует человек некоторое время назад находившийся на грани, который смирился со всем, и вот уже готов был совсем покончить, как тут его выдергивают за шкирку, встряхивают как какую-то игрушку, будто говоря: ,,Ну, что за дурак? Не видит даже, то, что находится прямо под носом”

Действительно ли это был Кузьмич? Или же это явление одной из проявлений ипостасей этого мира, конкурирующих за добычу с теми лесными тварями. Я не мог сказать точно, да и по правде не хотел знать. Впервые за очень долгое время у меня появилась надежда – надежда на что-то более предпочтительное, чем просто стать одним из древесных памятников, былой людской жизни в этом посмертном мрачном могильнике. Был ли этот пепел теми, самыми людьми, которых я сжег, и действительно ли они хотят мне помощь. Я не знал, и даже не смел помыслить о том, что они хотят причинить мне вред. Что-то подсказывало мне, что они здесь ненадолго и мне лучше поторопиться, иначе я могу навсегда потерять свой шанс сбежать с этой проклятой земли.

И я бежал – туда, куда меня буквально ткнули носом. Лес, давно оказавшийся позади, маячил в моем сознании, напоминанием о котором служили яркие огни глаз этих тварей. Они преследовали меня на протяжении всего пути. Я боялся – боялся, того, что мои спутники скоро пропадут и меня снова затащат обратно и на этот раз это будет действительно конец.

Ноги несли меня вперед, и чем ближе я становился к предположительному выходу, тем яростней и напористей становились мои преследователи. Сначала единицы из них осмеливались ринуться ко мне в самоубийственной атаке, благо которую успешно отражали мои защитники. Но и это имело свою цену, с каждым нападением ряды светлячков затухали. Раз за разом их становилось все меньше, что не скажешь о самих нападающих. Десятки тысяч тварей, тяжелой поступью бежали ко мне, сталкиваясь с огоньками и тут же сгорая вместе с ними в посмертном отвратительном визге.

Ревущая орда не собиралась отпускать меня просто так. Это закон! Попав сюда однажды, ты должен остаться тут – умершим не место в мире живых.

Наконец на грани видимости показалось оно – огромное озеро, толща воды, уходящая далеко за горизонт, видимая лишь благодаря мириадам огоньков. Увиденное, приободрило меня – заставило бежать и бежать, не сбивать темп, любой ценной. Я преодолевал метр за метром и казалось бы вот до озера рукой подать, но… Раздался яростный и протяжный вой, столь громкий, словно сотни тысяч глоток запели свою жалобную песнь, из тьмы медленно, переваливаясь множеством своих ног, показалось ужасное циклопическое существо, пожалуй не способное было бы поместиться в рамках узколобого человеческого сознания. Вид его был бы способен вызвать мгновенное безумия у любого слабого и неподготовленного рассудком, он буквально приказывал пасть ниц лицом в землю и залиться слезами в благовееном ужасе перед ликом многоликого истинного бога. Топот его ног сотрясал землю, из-за чего я упал и разбил себе нос. Я сидел, размазывая кровь и слезы по своему лицу, и смотрел – смотрел и смеялся, удавливаясь в одержимом хохоте. Оно приближалось; один его шаг был равен тысячи моим. Свет покидал меня – большая часть светлячков устремилось к нему, с единственной целью – хотя бы на мгновение замедлить это существо и погаснуть навсегда.

Тут неожиданно кто-то поднял меня за шкирку и толкнул по направлению к озеру.

- Беги! Не оглядывайся, Артем. Я с тобой. Беги! Только не смотри! – раздался знакомый крик Кузьмича.

Послушно исполнив приказ я устремился вперед не видя ничего перед глазами. Былая полноводная река из света указывавшая мне дорогу обмелела до состояния небольшого ручейка. Светлячки прощались со мной, говоря мне свои последние слова, и неслись в атаку, тут же потухая.

- Беги мальчик! Долго мы его не сдержим, – говорила пожилая женщина.

- Спасайся! Хотя бы ты. Аааааааааа, – сказала мне маленькая девочке и тут же завизжала с дикой болью, пока её голос окончательно не пропал.

- Давай, пацан. Аааааа, - кричал грубый мужской голос.

-Беги!

- Быстрее!

- Осталось чуть-чуть!

- Беги! Беги! Беги! Беги! Беги! Беги! – раздавались отовсюду голоса и тут же затихали.

Казавшиеся теперь не такими большими твари пользовались моментом и кидались на меня. Я изворачивался от них как мог, то пригибаясь, то останавливаясь, смотря, как те пролетали мимо меня. Светлячки больше не могли так же успешно защищать меня, только часть из тварей сгорала дотла в столкновении с ними.

И вот добежав до нужной цели, я мгновенно остановился, мотая руками, пытаясь сохранить равновесие. Я стоял у обрыва, глубоко дыша с каждым вдохом, захлебываясь воздухом, и смотрел вниз. Тихая водная гладь мерцала от света, исходящего, казалось бы, из самых её глубин, поверхность её была усеяно скалами – расстояние было достаточно большим для того, чтобы раздробить в кашу тех, кто бы осмелился прыгнуть в низ.

- Береги себя, сынок – Кузьмич столкнул меня в низ.

В полете от порыва ветра я перевернулся и посмотрел, как на вершине обрыва затухли последний огоньки. Секунды в невесомости растянулись для меня на целую вечность. Жизнь или же правильней сказать ,,Нежизнь” мелькала у меня перед глазами – она была страшной и гнетущей, но даже в самые темные времена можно найти счастье, если не забывать обращаться к свету.

- Помни, сынок, я с тобой. – донеслись до меня последние слова Кузьмича.

- Спасибо. – тихо вымолвил и я.

Моя спина ощутила нежную прохладу водной глади, и тело тут же погрузилось в глубину, не встречая никакого сопротивления. Верх и низ поменялись для меня местами, и я воспарил ввысь. Мой взор был устремлен в бескрайнюю красоту перелива космических энергий, бесконечное количество миров сталкивались друг с другом, пока мое тело рассыпалось на частицы, подхватываемые потоком.

Разум больше не находящийся в плену бренного тела радовался единению с вселенной и вспоминал – былую жизнь, столь мелкую и не значительную в рамках целого мироздания. Но это уже было не важно. Ведь покой и умиротворение заполняли мое утихающее сознание.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

http://tl.rulate.ru/book/82966/2768851